

Одилон Редон

(1840–1916)

«На высотах познания
ОДИНОКО И ХОЛОДНО...»

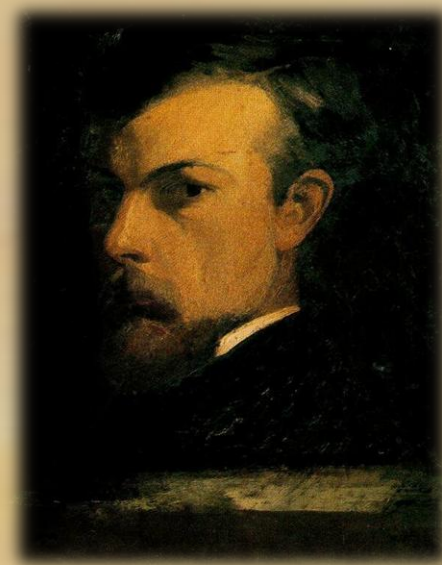
«Сон разума рождает чудовищ»... Однако в случае с Одилоном Редоном именно никогда не дремлющее подсознание, та непознанная область, где рождаются и существуют самые страшные монстры, стала источником его вдохновения.

«В искусстве ничто не достигается одной лишь силой воли. Всё делается путём послушного подчинения подсознательному», – говорил Редон и следовал этому закону всю жизнь.

Сейчас его имя мало известно широкой публике. Он творил во времена импрессионистов, однако стоял обособленно.

«Я отказался плыть на корабле импрессионистов – они представлялись мне слишком недалёкими».

Во время господства натурализма и рационализма, Редон в своем творчестве исследовал тайны разума, одновременно истерзанного и безмятежного, препарировал кистью секреты безумия и стремился постичь запредельное, то, что находилось по другую сторону физической действительности.

Он облёк монстров человеческого подсознания в живую плоть и отворил для них скрытую дверцу в нашу реальность,

Мистик и поэт, он уже в 17 лет определился с кругом своих интересов. Эдгар По, Шарль Бодлер, индийская поэзия — и одновременно Дарвин и последние открытия в науке. Ближайший друг, Арман Клаво, был ботаником, его пантеистические взгляды на мир повлияли и на Редона.

Его слава началась именно с чёрных рисунков, выполненных углём.

Вера в существование магического внутреннего зрения привела его к созданию картин, чьи фантасмагоричные мотивы напоминают обрывки безумных сновидений — страшные угольно-чёрные кошмары, в которых человеческое тело подверглось жутким метаморфозам, усекаясь до головы или даже сокращаясь

всего до одного глаза, который разворачивается в метафору мира, а затем и в сам мир.

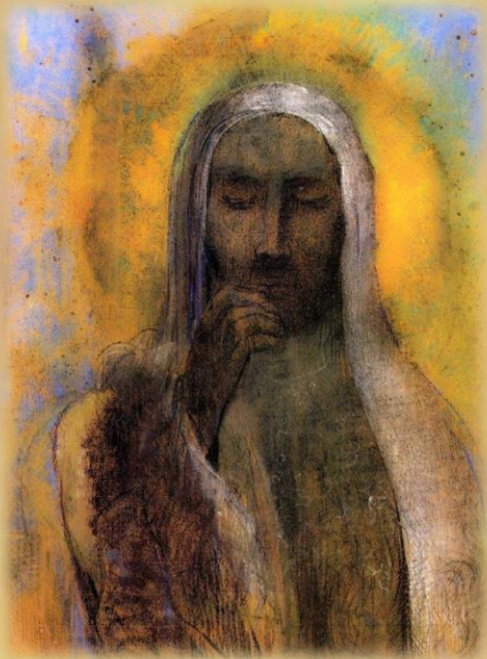

Его черный цвет восхищал Матисса, Гоген называл его мечтателем и провидцем. Подрастающие поколения, наби и фовисты, ценили Редона как своего мэтра, сюрреалисты увидели в нем предшественника.

Мало у кого из художников творческая жизнь столь чётко разделялась бы на чёрно-белый и цветной периоды, как это было у Редона.

«Выглядит чудом, неразрешимой тайной, что такая тень породила впоследствии такой свет.»

Потрясающе цветные картины Редона на религиозные темы: его сюрреалистичные иконы полны света и теплоты.

Максимилиан Волошин о Редоне:

«В мастерской Одилона Редона висела гравюра Дюрера:

Женщина безнадежно и устало опустила голову, шелк платья безнадежно и устало шелестит по каменным плитам. Перед нею неправильное геометрическое тело, как «ледяной кристалл Уныния». Сломанные математические инструменты лежат в беспорядке. Серая радуга... звезда со снопом лучей и через небо длинная лента, на которой написано: MELANCOLIA.

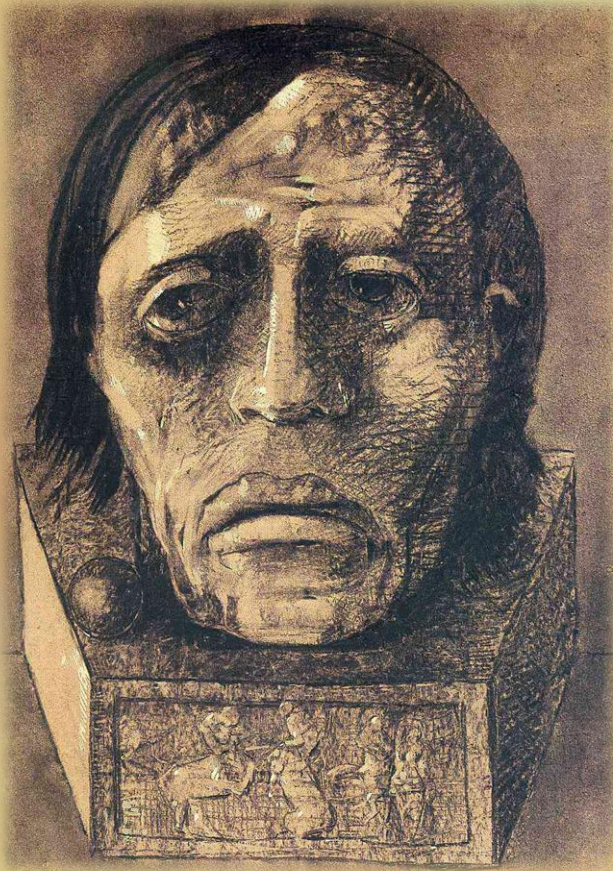
Она – потрясающее признание бессилия человека в стремлении достичь совершенства и постичь истину.

На высотах познания одиноко и холодно...

Образы Редона — это реальность не из земного мира. Только в готическом искусстве французского XIII века можно найти формы, подобные формам Редона. Потом источник иссяк. Графические впечатления оборвались.

Видеть последние концы нитей своего искусства на расстоянии семи земных столетий и ничего впереди — это предел одиночества.

Человеческое сознание не может вынести такого одиночества. Поэтому Одилон Редон в его земном воплощении только иссохшие уста, через которые Вечность шепчет свои воспоминания.

Его чувства так тонки, что впечатления жизни переходят предел боли, предел ощущаемого — у него нет вкуса к действительности. Он видит сквозь ощущаемую эпидерму природы.

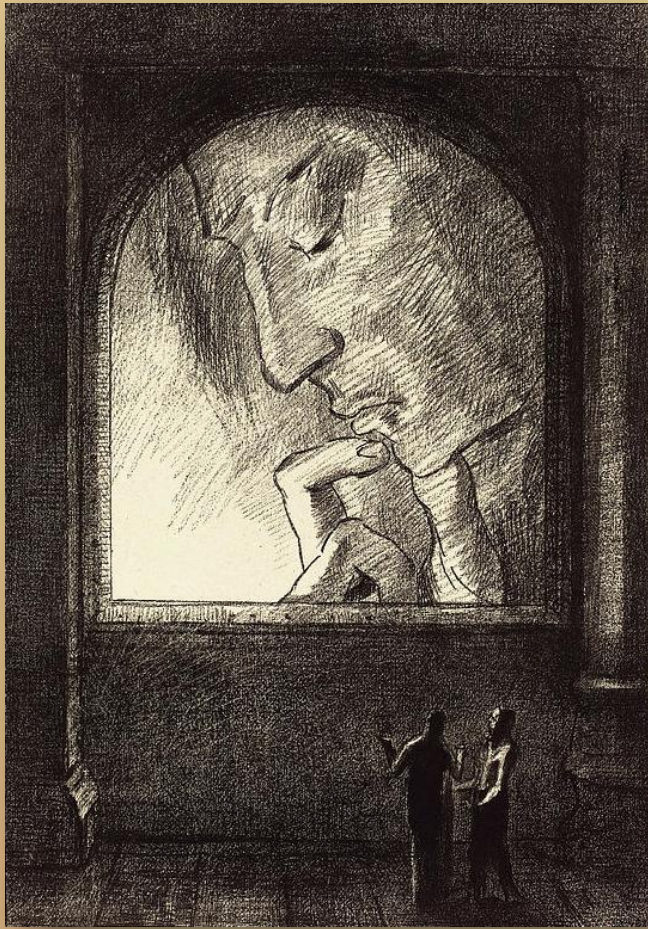
В каждом рисунке Редона есть ужас живого тела, сросшегося со скалой. Из-под черных фонов его литографий всегда шевелится целый мир невоплощенных форм. С точностью импрессиониста он заносит на свои доски вихри довременного хаоса.

В каждом рисунке Редона есть бездонные колодцы, из которых одна за другой выплывают безымянные и бесчисленные формы...

Шевелящийся хаос — это единственная реальность Редона.
Бесконечная скорбь Познания — это его лиризм.

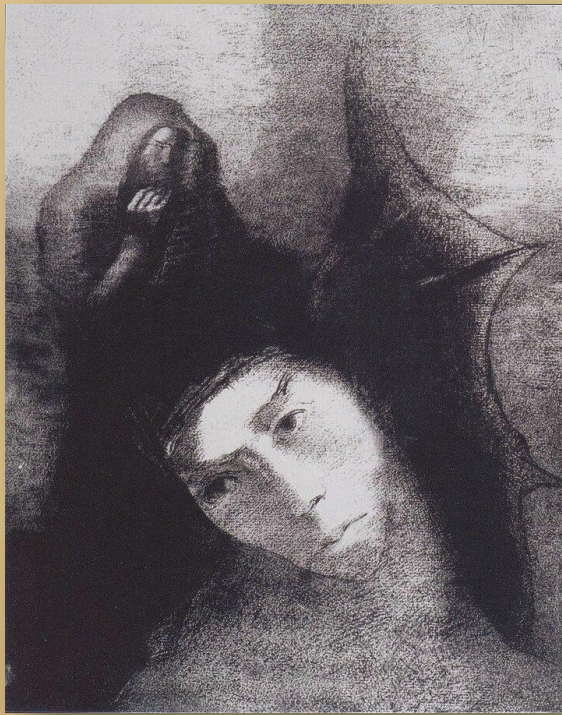

Перед гигантским окном в пространство
стоят две маленькие человеческие
фигуры. За окном проходит, не уместаясь
в нем, каменный профиль. Глаза
опущены. Палец в раздумьи поднят к
устам. В углах губ шевелится бесконечная
горечь. Сзади вырываются снопы
ослепительного света. «Lumiere!» [Свет!
(фр.)]

Среди шепчущих и тихо мерцающих
болот на тонком стебле осоки
распускается странный самосветящийся
цветок: голова Человека-Пьеро.

Дьявол уносит Антония за пределы мироздания. Миры в непрерывном течении проходят под их ногами. «Где же цель?» — Нет цели... — отвечает дьявол. И в бледном лице с узким лбом и страдающими глазами бесконечная грусть. «Если б я это создал, то была бы цель...». Никто до Редона не видел дьявола с таким лицом — этого дьявола чувства, так не похожего на обычного дьявола разума.

На высотах познания одиноко и холодно...
В этих пределах оледенелого времени нет звука.
Это царство вечного Молчания.

Каменное лицо с плотно замкнутыми веками выходит из хаоса... Эти глаза еще никогда не раскрывались... Если они раскроются, то загорится земной свет и формы лягут в привычные чувствам грани.

*«Я шел сквозь ночь. И бледной смерти пламя
Лизнуло мне лицо и скрылось без следа..
Лишь вечность зыблется ритмичными волнами.
И с грустью, как во сне, я помню иногда
Угасший метеор в пустынях мироздания,
Седой кристалл в сверкающей пыли,
Где Ангел, проклятый проклятием всезнанья,
Живет меж складками морщинистой земли.»*

*«Вот Дьявол – кроткий, странный, грустный.
Антоний видит бег планет:
«Но где же цель?
– Здесь цели нет...»
Струится мрак и шепчет что-то.
Легло молчанье, как кольцо,
Мерцает белое лицо
Средь ядовитого болота,
И солнце, черное, как ночь,
Вбирая свет, уходит прочь.»*

Максимилиан Волошин

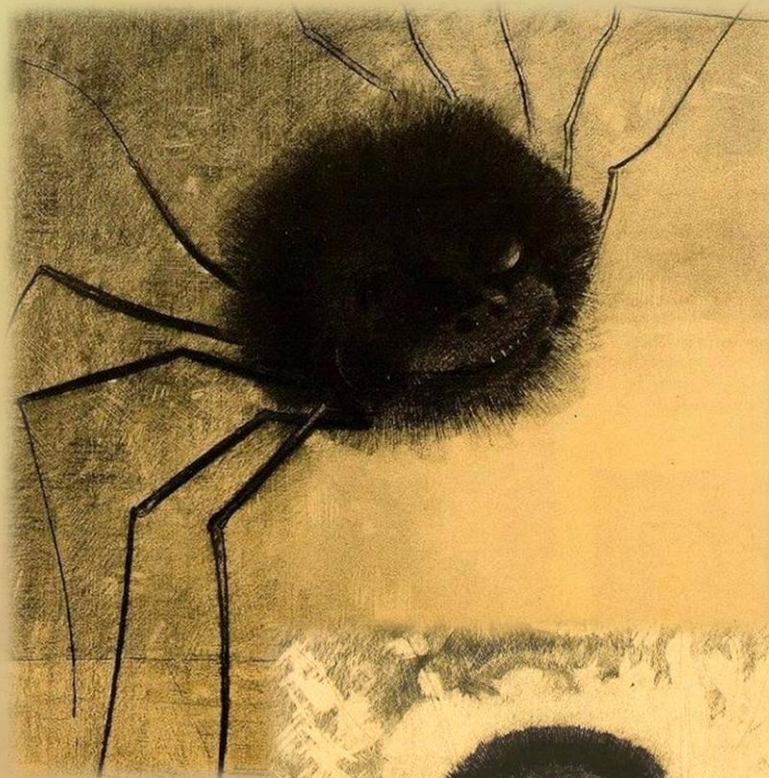
«Моя душа во власти страха
И горькой жалости земной.
Напрасно я бегу от праха -
Я всюду с ним, и он со мной.

Мне в очи смотрит ночь нагая,
Унылая, как темный день.
Лишь тучи, низко набегая,
Дают ей мертвенную тень.

И ветер, встав на миг единый,
Дождемдохнул – и в миг исчез.
Волокна серой паутины
Плывут и тянутся с небес.

Ползут, как дни земных событий,
Однообразны и мутны.
Но сеть из этих легких нитей
Тяжеле смертной пелены...»

Зинаида Гиппиус

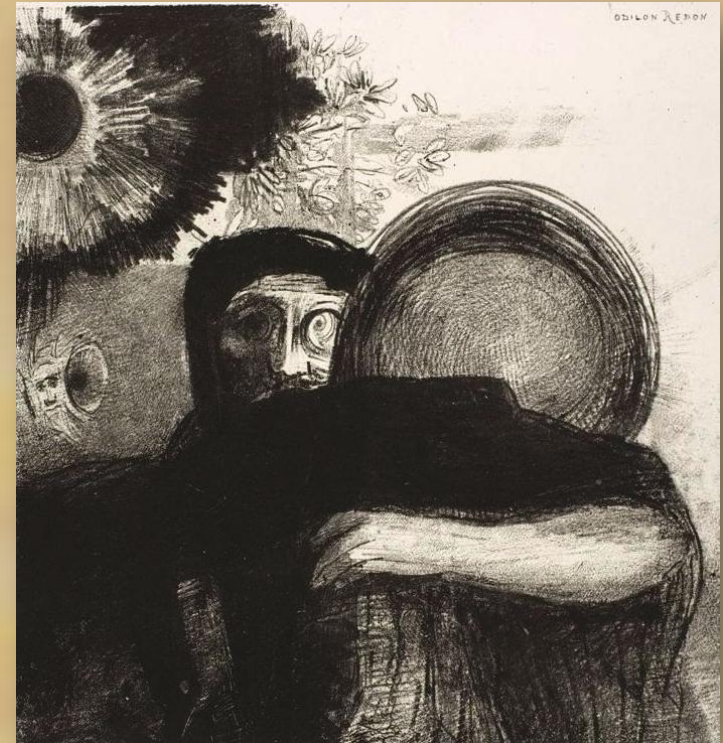
Редон из всех живописных материалов любил больше всего прах: уголь или пастель. Но литографский карандаш безжалостнее всего выражал его мысль.

Из всех литографий – самая странная: голова сверхчеловеческого страдания, безнадежно усталая и утомленная.

Это безнадежный и жуткий символ. Это безрассветная роковая агония человеческого мозга в поисках идеала, истина, постигнутая безумием – матерью экстаза.

Выше! Еще выше! И мыслитель, жаждущий свободного воздуха вершин, стремится вверх посреди ослепительных фейерверков планет.

В лихорадке снов и знаний, уже не в силах различить их, он падает на колени, ослепленный, искалеченный, раздавленный тем самым идеалом, к которому он так стремился и который убил его.

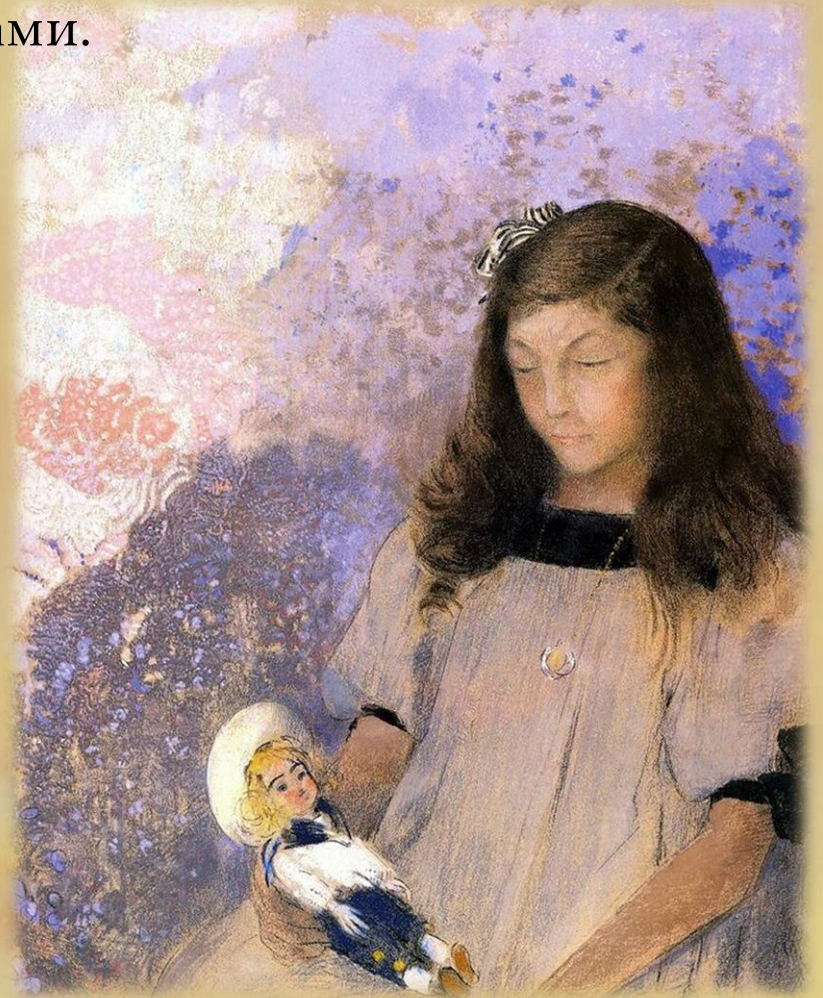
Как же этот таинственный провидец,
рисунок которого так строг, что его
можно смешать с рисунком Да Винчи,
дошел до самых странных искажений
человеческого типа?

Не в глубине ли своих глаз,
выжженных нестерпимыми лучами
звезд, нашел художник эту
ужасающую толпу чудовищ,
которая расцветает в тусклом и
ядовитом воздухе его невероятных
рисунков?

Но рядом с этими призраками черной магии какие ясные и торжественные видения неизъяснимой красоты! Эти строгие и чистые профили женщин с головами императриц, в коронах средневековых королей, такие, как они стоят на высоте колонн готических соборов. В них живет твердость камня, непроницаемость улыбки и взгляд, застывший под неподвижными веками.

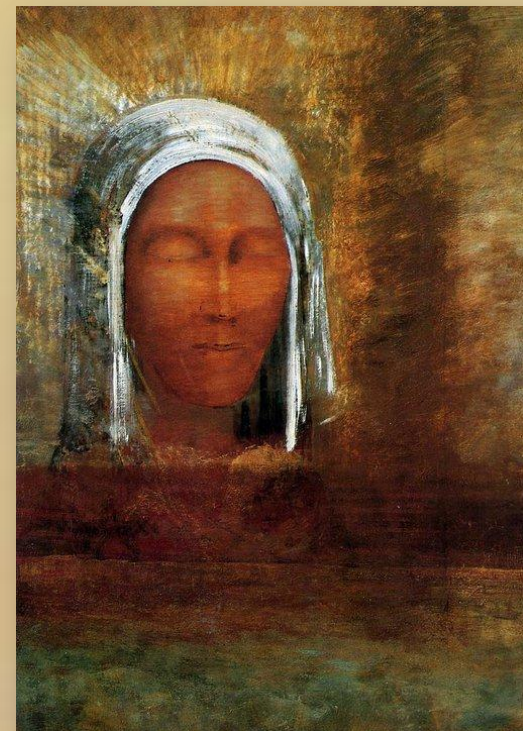

*«На взморье золотом я долго жил когда-то.
Там сотни солнц, дробясь на радугу огней,
Горели по утрам на сводах галерей,
К базальту берегов сползая в час заката.*

*Там образы небес, буруны, меж камней
Сшибаясь и шипя, крутятся замысловато,
Сплетали мощное, гремящее стаккато
С вечерним пурпуром и синевою теней».*

Шарль Бодлер

В пастелях Редона хаос разворачивается в своих красочных гармониях. Ужас времени кричит синими голосами; ультрафиолетовые полыньи на черном властно затягивают в глубины мистицизма.

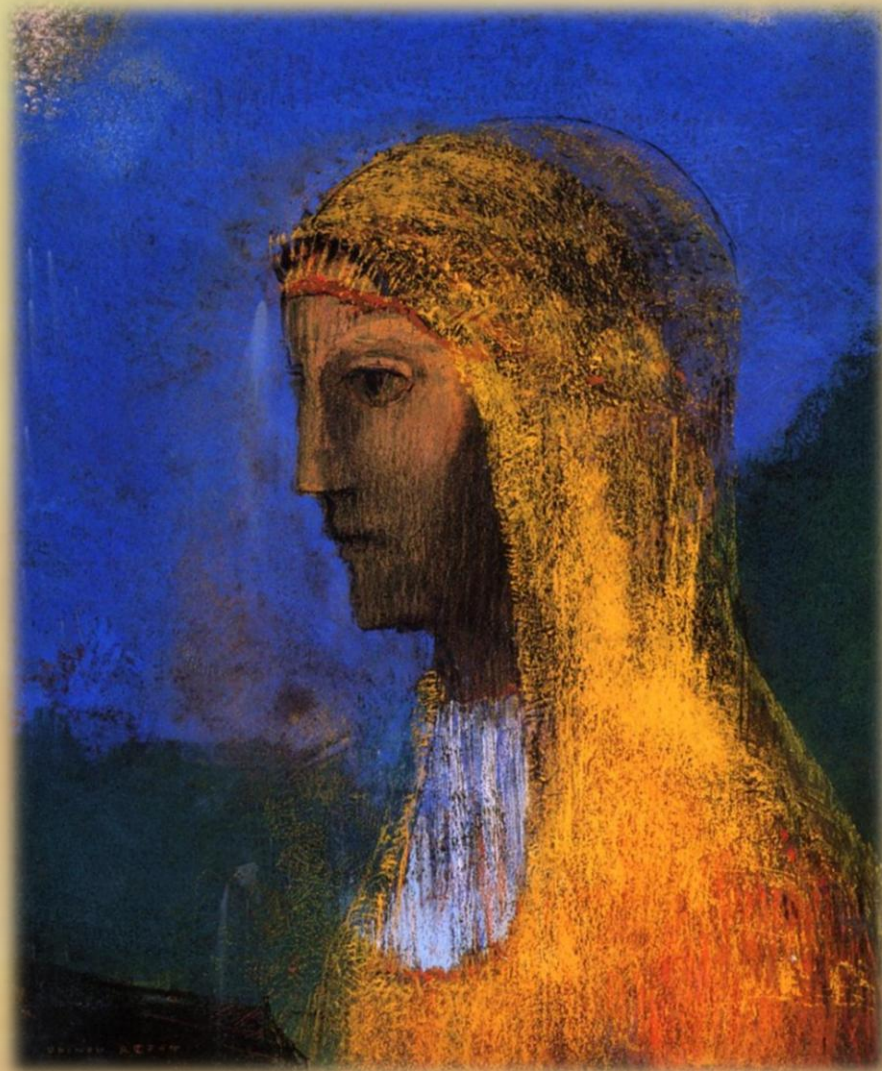
Ультрафиолетовые лучи,
помещаясь на границе видимого
спектра, служат противоположно-
дополнительными желтому цвету
дня. Фиолетовый цвет всегда был
цветом мистики и веры.

Готические vitraux [Витражи (фр.)]
все основаны на комбинациях
фиолетовых. Возрождение и
последующие века совершенно не
знали лиловых гармоний.

Это любимый цвет Редона. В нем
успокоенные мерцания Тайны.

Мы на границах Прозрения...
Или Воспоминания...

На высотах Познания одиноко и холодно...

В этом мире солнце перестало быть источником света... Здесь светится все, из чего исходит жизнь: книга освещает лицо девушки, лучится одежда пророка, бросая снопы пламени, пролетает комета, мерцают морские звезды в подводных глубинах. Только одно солнце иногда восходит в этом мире — это черное солнце отчаянья — *le Soleil noir de la Melancolie*.

*«Смотрю на море жадными очами,
К земле прикованный, на берегу...
Стою над пропастью — над небесами, —
И улететь к лазури не могу.*

*Не ведаю, восстать или покориться,
Нет смелости ни умереть, ни жить...
Мне близок Бог — но не могу молиться,
Хочу любви — и не могу любить.*

*Я к солнцу, к солнцу руки простираю
И вижу полог бледных облаков...
Мне кажется, что истину я знаю —
И только для нее не знаю слов.»*

Зинаида Гиппиус. «Бессилье»

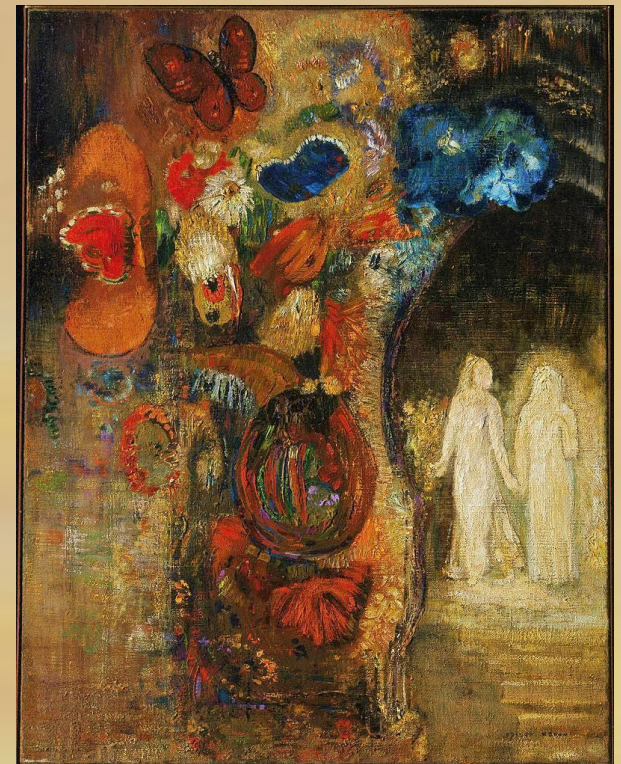
*«Под синим куполом хрустальным —
Под сном усталым и тоской —
Нисходит медленный покой
К цветам души моей печальным.*

*Кругом символика цветов:
Забав унылых ненюфары,
Влюбленных пальм немые чары,
Мечты лиан, холодность мхов.*

*Лишь стебель лилии меж ними
В упругой хрупкости застыл
И бледный свой возносит пыл
Над их побегами больными.*

*Лишь лилия, рассеяв мглу
(Как бы лучом луны несмелой),
Молитвой возникает белой
К хрустально-синему стеклу.»*

М. Метерлинк

*«Полувядших лилий аромат
Мои мечтанья легкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.»*

Зинаида Гиппиус. «Иди за мной»

*«Скажи, откуда ты приходишь, Красота?
Твой взор — лазурь небес иль порожденье ада?
Ты, как вино, пьянишь прильнувшие уста,
Равно ты радости и козни сеять рада.*

*Прислал ли ад тебя иль звездные края?
Твой Демон, словно пес, с тобою неотступно;
Всегда таинственна, безмолвна власть твоя,
И все в тебе — восторг, и все в тебе преступно!*

*...Будь ты дитя небес иль порожденье ада,
Будь ты чудовище иль чистая мечта,
В тебе безвестная, ужасная отрада!
Ты отверзаешь нам к безбрежности врата.*

*Ты Бог иль Сатана? Ты Ангел иль Сирена?
Не все ль равно: лишь ты, царица Красота,
Освобождаешь мир от тягостного плена,
Шлешь благовония и звуки и цвета!»*

Шарль Бодлер. «Гимн Красоте»

